

КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И ПРОБЛЕМА *НИЧТО*

А.Ю. Байбородов

Пермская государственная
сельскохозяйственная академия
им. академика Д.Н. Прянишникова,
Пермь, Россия

abaiborodov60@gmail.com

Статья рассматривает проблему коэкзистенциального общения (со-бытия) в связи с постановкой проблемы ничто. Коэкзистенциальное общение определяется автором как универсальный способ сосуществования субъектов в их фундаментальной бытийной возможности. Основная *проблема* предпринятого исследования может быть определена следующим образом: возможно ли иррациональное содержание коэкзистенциального опыта выразить посредством рациональных понятий? Предлагается следующий вариант решения данной проблемы: с одной стороны, уникальное содержание опыта со-бытия выражается в понятиях на основе логической связи, но, с другой стороны, имеет место противопоставление «бытийного» мышления и общезначимости рациональных понятий. Автор сознательно выходит за рамки научного дискурса с целью более глубокого проникновения в экзистенциальную логику «проговаривания» исконных форм и способов со-бытия. Таким образом, экзистенциальный метод применяется автором с целью воспроизводства в мышлении уникального содержания опыта со-бытия в аспектах, доступных рационализации. Цель статьи – показать и обосновать роль концепта «ничто» как фундаментального условия свободы субъектов со-бытия. Главное атрибутивное свойство ничто – отрицание уникального опыта коэкзистенциального со-бытия. Автор статьи определяет ничто как предельный смысл отрицания опыта коэкзистенциального со-бытия. Ничто со-бытия есть предельный смысл отрицания, который проявляется через множество частных отрицаний. Всякое частное отрицание опыта со-бытия есть проекция глобального ничто. Всякий коэкзистенциальный акт, направленный на упрочение коэкзистенциальной связи, являет собой акт отрицания самого ничто. По мнению автора, ничто предстает как условие трансформации и последующего возобновления коэкзистенциального опыта.

Ключевые слова: коэкзистенциальное общение, со-бытие, субъект, Другой, ничто, ничтоженне, отрицание, позитивная возможность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-14-24

Введение

Ставя проблему *ничто* в свете экзистенциально-антропологического подхода, и, в частности, применительно к общению «Я – Другой», считаем необходимым предпринять попытку «очертить» общий онтологический набросок данного понятия. Концепт *ничто* занимает особое место в философии экзистенциализма, являясь онтологическим наименованием «неподлин-

ных», «превращенных» форм бытия-события. Данная статья представляет собой попытку осмысления процесса общения как «со-бытия» с позиций экзистенциально-бытийного мышления, которое, на взгляд автора, позволяет наиболее адекватно высветить внутреннюю логику общения как «исконно-первичного» модуса «со-бытия» в соотношении с «*ничто* со-бытия». Цель настоящей статьи – наметить исходные пред-

посылки для создания целостной концепции *козэкзистенциального общения* в соотношении с проблемой *ничто* как возможности отрицания уникального опыта со-бытия, что предполагает анализ и переосмысление ряда положений, обозначенных в трудах Н. Аббаньяно и Ж.-П. Сартра. При этом основная *проблема* предпринятого исследования может быть определена следующим образом: возможно ли иррациональное содержание козэкзистенциального опыта выразить посредством рациональных понятий? Предлагается следующий вариант решения данной проблемы: с одной стороны, уникальное содержание опыта со-бытия выражается в понятиях на основе логической связи, но, с другой стороны, имеет место противопоставление «бытийного» мышления и общезначимости рациональных понятий. Автор сознательно выходит за рамки научного дискурса с целью более глубокого проникновения в экзистенциальную логику «проговаривания» исконных форм и способов со-бытия. Таким образом, экзистенциальный метод применяется автором с целью воспроизводства в мышлении уникального содержания опыта со-бытия в аспектах, доступных рационализации. В связи с этим полностью избежать противопоставления логики рационального философствования и экзистенциального «проговаривания» уникальных смыслов со-бытия не удастся.

Проблема *ничто* в экзистенциальной философии Н. Аббаньяно

Изначально онтология существования и, стало быть, сосуществования предполагает непрестанное преодоление наличной ситуации, постоянное экзистирование «за пределы самого себя» в направлении реализации той или иной *возможности*. Подоб-

ное свойство исконно присуще экзистенциальному субъекту. Подобное сущностное свойство субъекта отмечали М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Н. Аббаньяно и др. Так, создатель «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггер указывает на способ экзистирования, исконно присущий *Da-sein* [4]. Итальянский философ экзистенциального направления Н. Аббаньяно полагает существование субъекта как *apriori* проблематичное. *Проблематичная неопределенность* в онтологии Аббаньяно предстает как исконное, априорное свойство экзистенциальной структуры, которое определяет изнутри природу экзистенциального акта: «Проблематичная неопределенность выражает природу экзистенциального акта, поскольку он не исчерпывается в себе, но выходит определенным образом **за свои пределы**, создавая движение, которое направлено **от** чего-то к чему-то и которое поэтому соединяет вместе начальную фазу с конечной» [1, с. 94, 95]. По Аббаньяно, движение «за границы самого себя» в рамках экзистенциальной структуры, соединяя ситуацию прошлого с одной будущего, создает единство и целостность личности, а также движение в сообщество себе подобных. Реализация самого себя в «аутентичной» возможности – необходимое условие конструктивного взаимопонимания и общения: «Если я реализую себя нормативно в соответствии с моей субстанцией, если я приписываю самому себе достоинство человека, который имеет судьбу, я должен признавать возможным и в других то же самое достоинство и ту же самую ценность» [Там же, с. 140].

Примечательно, что итальянский философ формирование субъекта в его «подлинной» возможности противопоставляет некому «рассеянному», «обезличенному» состо-

янино, обозначаемому им как «грех». В силу «проблематичной» природы самой экзистенции грех рассматривается как «рассеивающая», но столь же реальная возможность структуры, присущая ей изнутри. «Грех – это несобранность, несерьезность, расслабленность, погружение в жизнь, такую, как она есть, неспособность координировать ее, господствовать над ней и поэтому неспособность господствовать над собой и владеть собой... Он связан с временностью, которая является основой возможной укорененности в *ничто* (курсив мой – А.Б.) присущей человеку структуры [1, с. 109]. Характерно, что концепт *ничто* мы встречаем уже у Аббаньяно, где он предполагает скорее образную характеристику состояния обезличенности, «не-выбора». Отсюда можно сделать вывод, что концепт *ничто* означает по большому счету *отрицание, негацию* возможности выбора. *Ничто* в аббаньяновском понимании не является чем-то внешним, приходящим извне, а *внутренне присуще* структуре экзистенции. *Ничто*, по Аббаньяно, есть прежде всего *негативная возможность* экзистенции в силу проблематичной природы последней. У Аббаньяно данный концепт встречается нечасто и несет в себе скорее символический смысл через образную характеристику состояния обезличения, «рассеяния». Исходный смысл данного концепта – **негация** «позитивной» возможности самореализации. Таким образом, *ничто* символически «схватывает» процессы деградации, распада, дезинтеграции.

**Проблема *ничто*
в «феноменологической онтологии»
Ж.-П. Сартра**

Весьма оригинальную концепцию *ничто* мы находим у Ж.-П. Сартра. Французский философ полагает *ничто* как фунда-

ментальное выражение изначально присущей субъекту свободы. *Ничто*, по Сартру, приходит в мир посредством некоего бытия, обладающего «позитивными» характеристиками. Так, вопрос, который субъект, будучи до определенного момента бытием «в-себе», ставит в отношении некоего другого бытия, которое также до известного момента остается неким «в-себе», размыкает до этого замкнутую, «свернутую» реальность бытия и самим актом вопрошания ничтожит сплошную «непроницаемость» последнего. Вопрошание представляет собой «ничтожение» бытия в силу того, что «вопрошающий может производить по отношению к вопрошаемому своего рода *ничтожащее отступление* (курсив мой – А.Б.), он избегает причинного порядка мира, он отрывается от бытия» [3, с. 60]. Таким образом, вопрошающий, ставя вопрос о самом бытии, преодолевает «сплошную позитивность» последнего, причем под позитивностью следует понимать главным образом причинно-следственные связи. Вопрошание есть некий «отрыв от бытия». Подобного рода отрыв нужно понимать как разрыв причинно-следственных связей, преодоление «инерции» мира. По Сартру, субъект через отрицание «утвердительной позитивности» привносит *ничто* в мир. Отрицание – первоначальное условие всякого последующего вопрошания. Будучи *apriori* вписанным в бытие, субъект обладает «донтонлогическим» пониманием бытия (по терминологии Сартра, дорефлексивным cogito) и изначально «знает» о бытии. Выход же за пределы бытия через ничтожение инициирует рефлексия субъекта по поводу самого бытия. В области рефлексии субъект получает возможность взглянуть на бытие «со стороны», а всякий последующий его выбор знаменует собой его новое

«открытие». Самый акт рефлексии и выбора, а также действие, производимое субъектом («в-себе»), являет собой акт познания, нацеленный на бытие. Согласно Сартру, бытие человека, приходя в мир, инициирует появление в мире *ничто*, и «это бытие для нас выступает как свобода» [Там же, с. 62]. Свобода, по мнению Сартра, не вытекает из бытия, в том числе из бытия сознания, а возникает именно *из отношения* между полнотой бытия, какой является субъект, и полнотой бытия остального мира. Подобная свобода предшествует любым суждениям о сущности, а коль скоро предшествует, то в свободе субъекту еще только предстоит утверждать и конституировать последнюю. Отрыв от бытия есть выход в пространство свободы. Всякий подобный выход являет собой способ ничтожения, негации каких бы то ни было детерминаций, разрыв следствия и причины. Таким образом, под *ничто* Сартр понимает то, что «прорывается» сквозь детерминированность бытия в самый момент разрыва между причиной и следствием. Никакое предшествующее состояние, стало быть, не может определять последующий выбор и реализацию субъектом той или иной возможности.

Таким образом, *ничто* в понимании Сартра – ни в коем случае не часть бытия, так как *ничто* не может возникнуть внезапно «посреди бытия». Оно привносится в структуру бытия самим субъектом как «сознающим бытием». Бытие в форме разного рода внешних детерминаций в акте рефлексии переводится в разряд прошлого, «ставшего». Некая наличная ситуация предстает в рефлексии как «уже-бывшая», и, стало быть, сам акт рефлексии ничтожит какие бы то ни было детерминации. Свобода субъекта, по Сартру, и становится источником собственного *ничто*. *Ничто* непосред-

ственно постигается субъектом через *тревогу*: «Именно в тревоге человек имеет сознание своей свободы, или, если хотите, тревога является способом бытия свободы как *сознания бытия*, как раз в тревоге свобода стоит под вопросом для самой себя» [Там же, с. 66]. Примечательно, что у Сартра в ряде мест мы находим попытки известного разведения онтического и онтологического, что предполагает, в свою очередь, разведение феноменов тревоги и *страха*. Страх вызван, главным образом, внешними причинами, угрожающими жизни и здоровью, но тревога ставит вопрос о фундаментальной способности субъекта «иметь решимость», «выдержать». Тревога в ее сугобо онтологическом смысле ставит, по сути, вопрос о фундаментальной способности и решимости субъекта осуществить *онтологический выбор*.

***Ничто* в свете**

коэкзистенциального со-бытия

Как думается, приведенный выше анализ концепций Н. Аббаньяно и Ж.-П. Сартра может стать основанием для последующего их переосмысления с целью развития и углубления концепции общения. Концепт «коэкзистенция» поначалу был введен Н. Аббаньяно. Хотя Аббаньяно не дает «эксплицитного» определения коэкзистенции, но из логики его изложения явствует, что *condition sine qua non* последней – принятие и признание себе подобного как свободного и самоценного субъекта. Данный концепт послужил основой для его последующего анализа и переосмысления, в результате чего мы предлагаем понятие «коэкзистенциальное общение» и определяем последнее как *универсальный способ сосуществования субъектов в их фундаментальной бытийной возможности*. Как

думается, приведенные выше соображения относительно проблемы *ничто* вполне могут быть применимы в анализе коэкзистенциального общения (со-бытия), причем особо следует при этом отметить роль и значение индивидуальной свободы субъектов. В той или иной ситуации субъекты коэкзистенциального общения постигают самих себя сущностно «расположенными» перед *ничто* самого общения. Онтически субъект тем или иным образом пытается казаться вежливым, заботливым, внимательным; в онтологическом же свете ему открывается ужас потерять отношения, разрушить сущностную связь «Я – Ты». Онтологический ужас или тревога инициируют онтологическое вопрошание о том, достанет ли субъектам решимости или воли сохранить узы любви, дружбы, взаимопонимания и т. п. *Ничто* коэкзистенциального отношения постигается в фундаментальной тревоге. Тревога никоим образом *не определяет* последующие действия субъектов, поскольку не является их причиной или мотивом. Именно в силу того, что в тревоге субъект оказывается перед сугубо бытийным выбором, он отдает себе отчет в том, что все предшествующие условия или мотивы оказываются, по выражению Сартра, «недейственными». Возможности субъектов коэкзистенциального общения суть именно *их* возможности, которые переводят в разряд «ставшего», «наличного» всю совокупность предшествующих мотивов или условий, которые чисто онтически мы бы могли назвать обещаниями, обязательствами, чувствами, клятвами и т. п. *Ничто* есть то *нечто* (речь о бытийных атрибутах *ничто* еще впереди), что отрицает детерминационные связи и отношения между прошлым и будущим, между некой совокупностью мотивов

и последующим выбором субъекта. Субъект изначально свободен, и *ничто*, ничтожащее какие бы то ни было мотивы и предпосылки, определяется Ж.-П. Сартром по существу апофатически, поскольку «может быть прояснено, только исходя из двух других первоначальных ничтожений: 1) сознание *не есть* свой собственный мотив, поскольку оно *пусто* от всякого содержания; 2) сознание противопоставлено своему прошлому и будущему как находящееся перед собой, которое существует в способе *небытия*» [3, с. 71]. *Ничто* и тревога, по Сартру, не тождественны, но сущностно предполагают друг друга. Именно *ничто* как «трещина в бытии» является первым условием тревоги, но в самой тревоге оно и высвечивается как *sine qua non* всякого отрицания.

Вышеприведенные соображения Сартра весьма важны для нашего анализа коэкзистенциального общения. Будучи переосмысленными в свете логики коэкзистенциального со-бытия, они помогают высветить и проследить именно первоочередную роль самих субъектов общения. В данной связи любая наличная ситуация общения, до последнего момента вписанная в общую логику внешнего мира со всем многообразием причинно-следственных связей, в момент непосредственной рефлексии, дистанцирования от мира переводится субъектом в разряд «застывшего» прошлого. Субъекты коэкзистенциального общения как бы вновь открывают для себя и подвергают процедуре рефлексии весь свой предшествующий опыт со-бытия. Если некое обязательство, данное Другому, чувство, испытываемое по отношению к нему, ситуация «духовной близости» переводится субъектом в разряд «прошлого», оно становится тем, что *налично* и

доступно для анализа. *Ничто* распознается в самый момент постижения ситуации через дистанцирование субъекта от мотивов и условий, ставших достоянием прошлого. Если я получаю возможность беспристрастно анализировать свои чувства и обязательства, сожалеть о них, смеяться над ними или же полон решимости их выполнять, я так или иначе воспринимаю свои обязательства как нечто уже бывшее. Но только **я** свободен выполнить данное мной обязательство или забыть его, отодвинуть как нечто малозначимое, отсрочить во времени и т. д. *Ничто* распознается в акте рефлексии как «черная дыра» любых детерминаций и объективаций, но тем не менее отнюдь не детерминирует и даже не обуславливает мое последующее решение и выбор. *Ничто* не может меня заставить или запретить мне выполнить данное Другому обязательство. Рассматривая и объективно анализируя данные мной обязательства, чувства, испытываемые к Другому, совместные с ним проекты сквозь призму «тревожащейся свободы», я открываю самого себя изначально свободным и фундаментально ответственным за способ моего со-бытия с другими.

Развивая мысль Сартра, необходимо отметить, что сама проблема *ничто* ставит проблему фундаментального выбора. *Ничто* в понимании Сартра отделяет свободу субъекта от любой сущности по типу «в-себе» как прошлой, так и любой ситуации будущего. Поскольку ситуация будущего ничем не обусловлена и не детерминирована, в акте рефлексии и выбора субъект открывает ее как *проблематичную*, поскольку так или иначе свободен отказаться от любых обязательств и ранее намеченных проектов. *Ничто*, таким образом, вездесуще и неустранимо, ибо охватывает и прони-

зывает собой всякую ситуацию выбора во всякий момент времени. В тревоге субъекту открывается *ничто* со-бытия. Но тревога, высвечивая *ничто* со-бытия с Другим, никоим образом не является причиной последующих решений и проектов: «Само бытие ужаса обнаруживается в себе как *не являющееся причиной* действия, которое оно требует» [Гам же, с. 68]. Всякий последующий выбор, направленный на реализацию козкзистенциального проекта, являет собой ничтожение самого *ничто* и реализацию последующего бытия. Так, онтически я обнаруживаю себя «на пороге» решения: помочь Другому или отказать в помощи, попросить прощения, поговорить по душам, учесть в совместном проекте интересы Другого или же преследовать исключительно собственные цели и т. д. В концепции Сартра *ничто*, «прорывающееся» между мотивом и действием, по сути, дезавуирует всё, что имело цену прежде, не гарантируя никакого *после*.

При этом нетрудно заметить, что сартровская концепция субъекта этически нейтральна. Не ставится вопрос о нравственно-этической «начинке» выбора, осуществляемого субъектом. Выбор во многом остается формальным и *de facto* нейтральным по отношению к добру и злу. По нашему мнению, концепция *ничто* в свете со-бытия нуждается в переосмыслении. Если исходить из положения, что всякий выбор субъекта есть отрицание *ничто*, то неизбежно при этом возникает проблема определения самого *ничто*. Напрашивается вывод, что сам экзистенциал «*ничто*» в трактовке Ж.-П. Сартра также во многом формален и, стало быть, нуждается в переосмыслении. На наш взгляд, решающим содержательным критерием аутентичного, козкзистенциального по сво-

ей сути выбора является именно *позитивная* возможность взаимопонимания с себе подобным. Аутентичный выбор, по нашему мнению, есть отрицание *ничто* во всякой единичной ситуации и во всякий момент времени. Если в трактовке Ж.-П. Сартра выбор субъекта во многом формален и этически нейтрален, то у Н. Аббаньяно прослеживается достаточно четкое разведение и, более того, противопоставление аутентичного, «подлинного» выбора состоянию изоляции, рассеяния, непонимания. Проблематичность бытия субъекта делает возможным как аутентичный выбор, так и сползание в *ничто*, что можно проиллюстрировать следующей мыслью итальянского философа: «Его [человека] бытие постоянно таит при своем формировании угрозу ничто, и она постоянно зовет и толкает его к бытию, которое находится за пределами всякой угрозы» [1, с. 143]. Хотя Н. Аббаньяно не дает сколько-нибудь развернутого толкования *ничто*, оно в его интерпретации тождественно состоянию обезличенности, изоляции. Неподлинное существование у Аббаньяно становится тождественным разрыву понимания, отчуждению между людьми.

Предпринимая попытку «позитивно-го» определения ничто, в качестве его главного атрибута мы полагаем *тотальное отрицание, негацию коэкзистенциального со-бытия*. И если главный смысл *ничто* есть отрицание, то *ничто* со-бытия проявляется прежде всего в разрыве межчеловеческих связей. Поначалу мы определяем *ничто* во многом апофатически, но опять же через «позитивную» констатацию разрушения, разложения, распада, гибели. Физическая смерть в данной связи – лишь одна из многочисленных манифестаций *ничто*. Онтически многочисленные проявления

глобального *ничто* так или иначе явлены сознанию через множество конкретных ситуаций: физическую смерть, разлуку, разрыв, нравственную деградацию личности, а также через то обезличенное существование, которое в повседневном обиходе принято именовать «растительным», «амебоподобным» и т. п. Феноменология *ничто* складывается из бесчисленного множества частных отрицаний. Под ними нужно понимать как раз эти онтически проявляемые ситуации и явления. Но частные отрицания указывают не на причинно-следственные связи, не на возникновение из ничего каких-то новых свойств, а на целостность и нераздельность внутреннего опыта субъекта. Само сосуществование субъектов общения, наталкиваясь на «стену» феноменально явленных ситуаций ничтожения, всякий раз оказывается предстоящим перед собственным *ничто*. Самый опыт коэкзистенциального со-бытия, конституируемый сознанием субъектов как неделимая целостность, наталкивается на множество частных отрицаний, пронизывающих собой всё некогда единое целое. Во всякий момент общность «Я – Другой» потенциально может быть подвергнута ничтожению. Причем ничтожение коэкзистенциального опыта не обуславливается наличной ситуацией: последняя выступает скорее как «предел фактичности», который следует отличать от детерминаций. Другое дело, что сознание субъектов общения свободно воплотить или не воплотить некую ситуацию «ставшего» прошлого в будущем.

Можно сделать вывод, что онтология *ничто* «прорастает» из ее феноменальной «явленности». Но коэкзистенциальный опыт во всякий момент подвергается ничтожению, поскольку насквозь прони-

зывается «частными отрицаниями», коим несть числа. Набирая телефонный номер некоего Другого и не получая искомого ответа на звонок, строя догадки и предпринимая новые попытки выйти на связь, я непосредственно постигаю вторжение *ничто* в целостность козкзистенциального опыта. Всякое непредвиденное препятствие или действия Другого привносят *ничто* в континуальную целостность со-бытия. «Понимание ничто именно в связи с отрицанием существования исходит из существования других и из действий, производящих изменения, так как во всяком изменении есть исчезновение и возникновение, то есть из действий, производящих ничто» [2, с. 74]. Опыт со-бытия, доселе «схватываемый» как неделимое целое, постигается в его *ничто* как дискретный, делимый, подверженный негации. Всякая возможность возобновления или разрыва отношений, понимания и прощения несет в себе онтико-онтологический смысл, неизмеримо превосходящий конкретную ситуацию. Всякое «предстояние» *ничто* есть ситуация фундаментального выбора, так как только от выбора и решения самих субъектов зависит последующее возобновление козкзистенциального опыта. *Ничто* изначально неустранимо, во всякий момент временной структуры козкзистенциального со-бытия оно являет себя как «трещина» со-бытия. Всякий *козкзистенциальный акт*, направленный на упрочение отношения «Я – Другой», есть в то же время акт отрицания, негации *ничто*. Но всякий единичный акт отрицания *ничто*, разумеется, не уничтожает само *ничто*, ибо оно неустранимо. *Ничто* есть негативная возможность всякого козкзистенциального акта, но тем не менее оно не фатально – оно постигается в «тревоге».

Попытаемся очертить *ничто* как то, что провоцирует, но не детерминирует выбор субъектов. Как уже отмечалось выше, глобальное *ничто* «прорастает» из исходной феноменологической «почвы» частных отрицаний. Стало быть, онтология *ничто* вырастает из его феноменологии. Но не содержит ли наше утверждение известное противоречие? Ведь *бытие* и *ничто* – понятия, казалось бы, противоположные. Может ли *ничто* обладать какими-то предикатами бытия? Собственно, в ходе нашего изложения мы уже определили его сущностное свойство – *отрицание, негацию*. Это, по сути, единственное свойство-предикат *ничто*. Предикация *ничто* со-бытия онтически выражается во всякой частной ситуации ничтожения (разрыв, конфликт, предательство и т. п.). В этом, как ни парадоксально, *ничто de facto* сопоставимо с бытием. Тотальное отрицание есть его сущностное свойство, но ведь данное свойство проявляет себя, как уже отмечалось, через множество частных отрицаний. Бытийственно ли *ничто*? По-видимому, да, но через множество всё тех же пресловутых частных отрицаний, которые во всякий момент привносятся самими субъектами в сплошную непрерывность козкзистенциального опыта. Онтически регистрируемые примеры подобной негации мы уже приводили. Так, проанализированная выше «проблематичная неопределенность» (Н. Аббаньяно) может быть переосмыслена в свете настоящего анализа как проекция глобального *ничто*. Ведь аббаньяновская концепция фундаментальной проблематичности со-бытия онтически иллюстрирует, что всякое отсутствие гарантий, всякая проблемная ситуация являют собой «предел фактичности», который субъекты могут подвергать рефлексии

«со стороны». Данный «предел фактичности» не детерминирует, но делает возможным последующий выбор, направленный на возобновление или прекращение коэкзистенциальных связей.

Но вряд ли возможно полагать бытие и *ничто* коэкзистенциального со-бытия тождественными. Сам опыт со-бытия так или иначе позитивен, ибо феноменально являет себя через те или иные бытийные характеристики. *Ничто* ничтожит, вносит дезорганизацию и хаос. Коэкзистенциальный опыт, стало быть, позитивен, а *ничто* негативно и постигается лишь через акт ничтожения. *Ничто* есть *нечто*, разделяющее собой меня и Другого, «раскалывающее» цельный опыт со-бытия. Весьма интересны в этой связи рассуждения Ж.-П. Сартра: «Чем должен быть человек в своём бытии, чтобы посредством него ничто пришло бы к бытию?... Если он должен уметь спрашивать об этом процессе, то есть ставить ему вопрос, нужно, чтобы он мог держать его в поле зрения как совокупность, то есть поставить себя *вне бытия* и сразу ослабить структуру бытия бытием» [3, с. 61]. По Сартру, всякий акт вопрошания есть попытка субъекта вступить в отношение с бытием, так как он есть ничтожение «утвердительно-позитивности» бытия.

Таким образом, если субъекты общения производят некие действия, направленные на упрочение или разрыв отношений, то этим самым они «дистанцируются» от бытия, что означает известное «преодоление» и даже отрицание недифференцированной целостности самого опыта со-бытия. Не случайно любое художественное произведение всегда строится вокруг противоречия и конфликта. В этой связи различие и борьба мнений героев произ-

ведения суть модусы ничтожения сплошной непрерывности опыта общения. Именно в силу *ничто* экзистенциальное общение как исконно-первичный способ со-бытия может быть трансформировано в коэкзистенциальное. Уже в силу этого всякое произведение, коль скоро затрагивает те или иные *проблемы*, в особенности проблемы со-бытия, есть особый способ «вопрошания» и ничтожения «сплошной позитивности» опыта со-бытия субъектов. Произведение, которое бы не ставило никаких проблем, вряд ли было бы интересно читателю или зрителю. Чисто онтически, в повседневной жизни, мы можем переживать череду утрат и обретений, неудач и успехов, непонимание и поддержку, безразличие и участие. Посему реальность со-бытия уже не есть сплошная недифференцированная целостность. Всякое новое «открытие» бытия, даже совершенно наивное, всякая рефлексия или вопрос уже есть известное отрицание того, что еще вчера не вызывало никаких вопросов. Отсюда и возникает, строго говоря, **проблема** со-бытия. Так, вступая в жизнь, человек нередко открывает для себя, что далеко не все «другие» добры и участливы. Но за всяким частным, подчас тривиальным, открытием мы прозреваем сугубо бытийный смысл ничтожения со-бытия как инертной массы. Предстояние субъектов *ничто* со-бытия есть постижение проблематичности со-бытия.

Как отмечалось выше, было бы неправомерно отождествлять *ничто* со-бытия с субстанциальной основой последнего. Скорее, *ничто* со-бытия имманентно присуще самой структуре опыта со-бытия, а всякий коэкзистенциальный акт изначально содержит в себе возможность «падения» в обезличенность и изоляцию.

Пытаясь очертить «онтологические контуры» *ничто*, мы можем предварительно определить последнее как *предельный смысл отрицания, негации опыта со-бытия*. На наш взгляд, *ничто* со-бытия есть предельный смысл отрицания, проявляющийся через множество частных отрицаний опыта со-бытия, которые, в свою очередь, проявляют себя как конкретные и конечные формы отрицания *per se*. *Ничто* со-бытия всё же онтологично и, более того, может быть наиболее точно «схвачено» через соотношение и противопоставление с феноменологически постигаемым опытом со-бытия. Всякое частное отрицание коэкзистенциального со-бытия, по нашему мнению, есть проекция глобального *ничто* со-бытия, проявляющего себя во всякой конкретной пробле-

матичной ситуации. *Ничто* не только отрицает, но и утверждает коэкзистенциальный опыт. *Ничто* со-бытия неотделимо от самого со-бытия, поскольку есть его негативная возможность, манифестирующая самое себя через фундаментальную проблематичность коэкзистенциального опыта.

Литература

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. – СПб.: Алетейя, 1998. – 507 с.
2. Поросенков С.В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 408 с.
3. Сафур Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.

COEXISTENTIAL INTERCOURSE AND THE PROBLEM OF NOTHINGNESS

A.Yu. Baiborodov

D.N. Pryanishnikov Perm State
Agricultural Academy,
Perm, Russian Federation

abaiborodov60@gmail.com

The article deals with the problem of co-existential intercourse and the problem of nothingness. Co-existential intercourse is defined as the universal mode of subjects' coexistence in their fundamental opportunity. The main problem of the study can be defined as follows: is it possible to express irrational content of co-existential experience using rational concepts? The author suggests the solution to this problem: on the one hand, the unique content of co-existential experience is expressed using the logical concepts, but on the other hand, there is an opposition between "existential" thinking and validity of rational concepts. The author deliberately goes beyond the scientific discourse with the aim of a deeper penetration into the existential logic "of discussing" ancestral forms and methods of co-existence. Thus, the existential method is used in order to reproduce a unique content experience of co-existence in thinking in the aspects available to rationalization. The purpose of the article is to demonstrate the role and meaning of "nothingness" in close connection with subjects' freedom. Nothingness becomes the principal condition of subjects' freedom and choice. The main attribute of nothingness is the negation of unique coexistential experience. Besides, nothingness is defined as the ultimate meaning of negation of coexistential experience. The global meaning of nothingness becomes evident through a great variety of "private negations" which tend to be its concrete and finite forms. A solitary coexistential act may be

considered as the act of negation of nothingness. Moreover, due to nothingness existential intercourse as the primary mode of communication may transform into unique co-existential experience.

Keywords: coexistential intercourse, coexistence, subject, the Other, nothingness, negation, destruction, positive opportunity.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-14-24

References

1. Abbagnano N. *Introduzione all'esistenzialismo* [Introduction to Existentialism]. Milano, Il saggiatore, 1970 (Russ. ed.: Abban'yano N. *Vvedenie v ekzistentsializm*. Translated from Italian. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 507 p.).

2. Porosenkov S.V. *Sushchestvovanie i deyatelnost' v opredelenii tsennostnogo otnosheniya* [Existence and activity on the value basis]. Perm', Perm State University Publ., 2002. 408 p.

3. Sartre J.-P. *L'être et le néant. Essay d'ontologie phénoménologique* [Being and Nothingness]. Paris, Gallimard, 1982 (Russ.ed.: Sartr Zh.-P. *Bytie i nich-to: opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Translated from French. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p.).

4. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and Time]. Tübingen, Niemeyer, 1953 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p.).